

дит она. Ее система оценок противопоставлена системе оценок Фердинанда и не имеет с ними практически ничего общего. Системы оценок вступают в определенные отношения друг с другом, образуя сложную систему противопоставлений.

Взаимодействие точек зрения разворачивается также в интерпретации одного и того же события двумя героями: Миранда и Фердинанд описывают одну и ту же ситуацию, но по-разному. Если привести пример сцену, где Миранда пыталась соблазнить Фердинанда, то из нее будет ясно видно, как на эту ситуацию смотрят оба героя. Для Миранды это значило подарить этому человеку себя, как тот и мечтал, Фердинанд же воспринял это по-другому: теперь Миранда для него перешла в разряд тех низких, падших женщин, которых он презирал всю свою жизнь. Это еще раз доказывает, насколько противоречив был этот человек.

Также существует и третья точка зрения – это точка зрения автора. Позиция автора – это идеологическая позиция в произведении, она заключена в Миранде, когда она критикует поступки и поведение Фердинанда, однако она также заключена в Фердинанде, когда тот пытается объяснить и пояснить свои чувства. Таким образом, в романе выстроено столкновение двух реальностей – через взаимодействие и, следовательно, постоянную борьбу между Мирандой и Фердинандом, где, как оказалось в конце, не стало победителя, так как Фердинанд понял, что погубив жизнь Миранды он погубил и свою и без того несчастливую жизнь. Понять борьбу мировоззрений этих двух людей позволяет в первую очередь структура произведения (дневник Фердинанда и дневники Миранды), критика одного героя действий или позиций со стороны другого героя, и интерпретация одного и того же события двумя людьми. Постоянная борьба между Фердинандом и Мирандой открывает нам трезвый ум, сильное сердце и прекрасную душу Миранды и позволяет увидеть насколько низок и жалок Фердинанд, даже несмотря на то, что имеет над ней условную власть.

ПОЭТИКА КОНСПИРОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА: ВЗГЛЯД ПОДОЗРИТЕЛЬНОГО (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА В. СОРОКИНА «ЛЁД»)

Д. Павлова

5 курс, филологический факультет

Научный руководитель – проф. И.В. Саморукова

В наши дни конспирологическое мышление агрессивно захватывает медиа-пространство и сознание потребителя массовой культуры. Учёные и интеллектуалы к любым идеям заговора относятся скептически, как к набору предрассудков и заблуждений. Многие учёные различают заговоры как факты истории и теории заговоров как домыслы людей. Общим ме-

стом рационального дискурса является мысль, что многочисленные конспирологические теории являются плодом коллективного мифотворчества. С другой стороны, конспирология, транслируемая в масс-медиа, становится эффективным средством манипулирования людьми. Презрительное отношение интеллектуального сообщества к конспирологии приводит к тому, что её социокультурные механизмы, история и репрезентации довольно плохо исследованы. В немногочисленных работах, посвящённых теме конспирологии (в области философии (Б. Гройс), политологии (А. Дугин), психологии (И. Яблоков, А. Цветков, Ричард Хофстадтер и др.)), подчас нелегко отделить научный анализ от мифотворчества самого исследователя. Наша задача подойти к этой проблеме со стороны литературоведения, исследовать, как отражаются различные теории заговоров в литературе.

Конспирология порождает особый жанр – конспирологический роман. Он представляет собой повествование об обнаружении законспирированной организации и последующем её разоблачении. В отличие от детектива, основным сюжетом которого является раскрытие тайны преступления, конспирологический роман выходит на глобальный и даже космический уровень, обнаруживая тайные механизмы истории или всего мироздания.

Рассматриваемый нами жанр отражает принципы конспирологического мышления. Эти принципы лежат в основе его проблематики и поэтики. В сюжете реализуется схема конспирологического подозрения. В основе мотивно-образной системы часто оказываются различные масс-медийные метафоры.

Взгляд подозрительного, который обнаруживает и раскрывает некую тайну, как бы воссоздает субъектная организация конспирологического романа. В качестве примера рассмотрим роман Сорокина «Лёд».

Роман состоит из 4-х частей, каждая из которых рассказывается с новой точки зрения. **Первая часть** представляет собой нечто вроде детективного киносценария с «объективным» автором-повествователем, который использует то точку зрения «голубоглазых сектантов», то героев, попавших в их руки. Постепенно эти две позиции совмещаются, так как герои сами становятся членами загадочной секты. Читатель входит в роман вместе с персонажами-медиумами, соединяющими мир обыденный и мир, где всем управляет некое Братство.

Вторая часть – это мемуары одной из «сестёр», ответственной за распространение Братства Льда на территории России. Героиня описывает свою жизнь до «пробуждения» ледяным молотом, стилизуя своё повествование под речь деревенской девочки. Рассказ о ее пути после ледяного простукивания выполнен в жанре женских любовных романов и исторических хроник. Читателю предоставляется возможность взгляда «изнутри заговора», происходит самораскрытие законспирированных сил. Здесь конструируется альтернативная история России. В ней массовые расстрелы и похищения людей в сталинский период, передел собственности в эпоху

перестройки объясняются действиями Братства. Оно проникает во властные структуры и использует их в своих целях. Этот мотив характерен практически для всех конспирологических романов.

В третьей части читателю предъявляется набор документов, косвенно свидетельствующих о деятельности законспирированной организации. Это инструкции и отзывы о некоей системе «LĒD». Кажется, что они дают рациональное и согласующиеся с научными представлениями объяснения феномена льда, который и составлял загадку двух предшествующих частей романа. Однако все отзывы пользователей оздоровительной и релаксационной системы «LĒD» загадочно обрываются на слове «свет». Так рождается новое подозрение.

В четвёртой части вновь появляется недиегетический повествователь, использующий точку зрения шестилетнего мальчика на загадочный феномен льда. Остранённый взгляд ребёнка разрушает замысловатые конспирологические построения.

Одним из главных символов в романе является лёд. С одной стороны, это камень, представляющий основу бытия, но с другой, вода, текучая и испаряющаяся субстанция. Лёд можно рассматривать как своеобразную метафору конспирологии.

Таким образом, в романе В.Сорокина «Лёд» реализация схемы конспирологического мышления и его разоблачения происходит за счёт смены точек зрения и жанровых стратегий текста. Авторская интенция реализуется через движение взгляда подозрительного, который сначала создаёт конспирологию (обнаруживает загадку, проникает в глубины мирового заговора, собирает сведения для его разоблачения), а потом, опираясь на чистый детский взгляд, деконструирует её.

МОТИВ ФОТОГРАФИИ В РОМАНЕ БЭРИЛ БЭЙНБРИДЖ «МАСТЕР ДЖОРДЖИ»

А. Севастьянова

2 курс, филологический факультет

Научный руководитель – доц. Е.Н. Сергеева

Сквозь весь роман Берил Бэйнбридж «Мастер Джорджи» лейтмотивом проходит тема фотографии, реализованная на разных уровнях построения сюжета: начиная от символических деталей и заканчивая композицией произведения. Действие романа начинается в Англии, а заканчивается на полях Крымской войны, куда попадают главные герои: Джордж Харди, или мастер Джорджи (так близкие по привычке сокращали его имя, хотя он давно перестал быть ребенком), воспитанница семьи Харди девушка Миртл, влюбленная в него, доктор Поттер и парень по имени Помпи Джонс.